

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская государственность: опыт 1150-летней истории

Материалы
Международной научной конференции
(Москва, 4–5 декабря 2012 г.)

Москва
2013

Р76 **Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). — М., 2013. — 591, [1] с.**

ISBN 978-5-8055-0255-3

В сборник включены статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных участниками Международной научной конференции «Российская государственность: опыт 1150-летней истории» (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). Представлены итоги многолетних научных исследований и последние достижения отечественной и зарубежной историографии в области изучения российской государственности со времени ее зарождения до начала XXI столетия. В центре внимания авторов — система государственного управления и институтов государственной власти, влияние государства на экономическое развитие, власть и общество, идеология власти, регулирование межэтнических и конфессиональных отношений в имперский и советский периоды, а также в современной России.

Для специалистов и всех интересующихся российской историей.

ISBN 978-5-8055-0255-3

© Институт российской истории РАН, 2013
© Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Содержание

<i>Ю.А. Петров</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Средневековая Русь IX–XVII века	
<i>А.А. Горский</i>	
«Древнерусское государство» IX–XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии.....	11
<i>Н.В. Синицына</i>	
Опыт прочтения летописной статьи 862 г.....	15
<i>П.С. Стефанович</i>	
Элита Древнерусского государства (конец X — первая половина XIII вв.)	39
<i>В.А. Кучкин</i>	
Русские княжества второй половины XI–XV вв.	50
<i>П.В. Лукин</i>	
Новгородское вече в XIV–XV вв.: политический институт или неорганизованная толпа?	59
<i>Н.М. Рогожин</i>	
Государственность России XVI–XVII веков: власть и общество.....	72
<i>Н.А. Соболева</i>	
Политика русского правительства в отношении Казанского края в XVI–XVII вв. (по материалам казанской эмблематики).....	80
<i>В.И. Иванов</i>	
Закрепощение крестьян в России: подходы современной историографии	88
<i>И.О. Тюменцев</i>	
Вольное казачество в смутное время в России начала XVII в.	99
<i>Д.В. Лисейцев</i>	
Приказная система Московского царства: административная практика XVI–XVII вв.	115
<i>О.В. Новохатко</i>	
Эффективность государственного управления во второй половине XVII в.	120
<i>Е.Н. Швейковская</i>	
Самоуправление в России XVI–XVII вв.....	130

Раздел II. Российская империя. XVIII — начало XX века

<i>Е.В. Анисимов</i>	
Государственность Петра Великого	145
<i>Л.Ф. Писарькова</i>	
Государственное управление России в конце XVII — первой четверти XIX в.: исторические вехи	149
<i>В.Я. Гросул</i>	
Власть и общество в России XIX века	162

П.С. Стефанович

Элита Древнерусского государства (конец X — первая половина XIII вв.)

Упоминанию руси предшествует перечень западнославянских этносов. Поэтому и русь может означать, как и во вступительной статье, восточнославянскую этноязыковую общность, а в ней поляне названы как главная ее составляющая. Во вступительной статье (см. тезис третий) русь также означала этноязыковую общность, единство которой было обеспечено наличием «словенского языка»; в ее составе на первом месте были названы поляне; то же и в статье 898 г. А термин русь в заключительной части процитированного фрагмента (о наличии в Руси словенской грамоты) имеет тот же смысл, что в статье 852 г. — «страна, земля». Все сказанное свидетельствует, что собирательное значение имени русь было достаточно закреплено и укоренилось в языке в том значении, в каком оно употреблено во вступительной статье, при описании архаического состояния.

Во вступительной статье имеется еще один лаконичный фрагмент, затрагивающий тему словенского языка: рассказ о разделении народов после разрушения вавилонского столпа и о «словънах» как одном из «72-х языков» имеет заключение: «И тако разидеся словънъский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словънъская».

Нельзя ли понимать эти слова в том смысле, что «словенская грамота» после разделения «словенского языка» становится, в историософии летописца, силой, обеспечивающей славянское единство. В историографии неоднократно отмечалась связь между процитированными словами вступительной статьи и статьей 898 г. А.А. Шахматов характеризовал основную идею этой статьи как идею славянского религиозного единства, хотя и изложил эту мысль достаточно лаконично; но она была воспринята в дальнейшей историографии. Это была своеобразная «славянофильская» идеология, относимая к периоду 1030—1090-х гг., что связывается с разрастанием кирилло-мефодиевской традиции⁶⁹. Шахматов считал, что Сказание является вставкой в ПВЛ, сделанной Сильвестром в 1116 г. Если это так, то вставка относится к тому же «текстологическому этажу» в стратификации текста ПВЛ (формулировки А.А. Гиппиуса), что и наращение «русь» к имени варягов в статье 862 г. Этим подтверждается вывод, что Летописцу термин русь был известен в двух смыслах — как второе имя варягов и как собирательное обозначение восточнославянской этноязыковой общности.

«Сказание о преложении книг» является частью исторической концепции летописца, вводя социокультурную составляющую в процесс формирования государственности. Настойчивая акцентировка принадлежности руси «словенскому» единству снимает тезис о «норманизме» летописца. Составитель ПВЛ не был «норманистом», он был славянофилом.

Понятие элита в последние годы всё шире и активнее используется в медиевистике. Тому есть разные причины. С одной стороны, в исторической науке в целом на общества древности стали смотреть как на достаточно сложно стратифицированные и иерархизированные. Как показывают специальные исследования, даже в обществах, где государственные институты и структуры только начали формироваться, «общинные» отношения если и сохраняются, то на локальном уровне, и играют более или менее второстепенную роль. Реальная власть принадлежит сравнительно узкой и немногочисленной верхушке. В разных исторических условиях эта верхушка может по-разному выглядеть, но присутствует она практически во всех обществах. Эгалитарные общества, живущие или живущие в некоем «первобытном коммунизме», исторической науке вообще не известны, да и у этнологов идут споры, применимо ли это понятие и в какой мере к современным «примитивным» обществам¹. Общества, которые можно назвать (хотя всё равно условно) эгалитарными, фиксируются лишь в весьма специфических природных условиях в отдельных областях Африки и Азии².

С другой стороны, те понятия, которые ранее употреблялись в медиевистике для обозначения социальной верхушки, как выясняется, не всегда удачно эту верхушку характеризуют. Одно из наиболее употребительных понятий в этом ряду, взятое на вооружение, в частности, в марксистской науке — *господствующий класс*, — подразумевает слишком жёсткие разграничительные линии (или даже антагонизм) между неким слоем, захватившим господство в обществе, и остальным населением. В действительности в Средние века каналы и механизмы социальной мобильности, которые пронизывали общество сверху донизу, всегда активно функционировали. В то же время отношения господства и подчинения были слишком разнообразны и связывали людей слишком разных, чтобы можно было, ориентируясь на эти отношения, чётко разделить население на классы, различающиеся по социально-экономическим, политическим или правовым критериям.

Особенно размыта и аморфна была социальная структура в раннее Средневековье. Юридические и институциональные градации, зафиксированные в документах, происходящих из разных регионов Европы, носили более или менее случайный и каждый раз особенный характер, были неустойчивы и непоследовательны. Историки всегда испытывают трудности в применении к этим обществам сословных или классовых определений, сложившихся в более позднее время. Вплоть до позднего Средневековья общественная иерархия строилась и определялась под воздействием

⁶⁹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 86—87; *Ego же. Сказание о преложении книг на словенский язык* // *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908. S. 172—188; Живов В.М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // *Русская духовная культура*. Trento, 1992. С. 81—82, 91—92.

¹ Например, известный этнолог А. Бетель заключает очерк развития идей и дискуссий об «эгалитарных/неэгалитарных» обществах в XIX—XX вв. следующим выводом: «большинство антропологов сегодня скептически настроены относительно существования всеобщей стадии примитивного коммунизма» (*Béteille A. Inequality and equality // Companion Encyclopedia of Anthropology*/ed. by T. Ingold. L., 1994, p. 1012).

² Ср.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. Изд. 2-е. М., 2004, с. 149 и след.

не столько письменно зафиксированных юридических норм, сколько общепринятых «обычно-правовых» представлений и практик и фактического соотношения сил.

Совсем недавно завершился масштабный международный исследовательский проект, инициированный французскими медиевистами в Париже и поддержаный на уровне Европейского Союза, который был посвящён разностороннему изучению элит в раннее и зрелое Средневековье (V—XI вв.). Результатом работы по проектирую элит в эпоху зрелого средневековья. Формирование, идентичность, воспроизведение, стали шесть томов, каждый из которых посвящён тому или иному аспекту темы³. Руководитель проекта известный историк Режин Ле Жан определяет объект исследования, отталкиваясь от ставших уже классическими определений В. Парето и Г. Моска: элита — это «меньшинство, которое управляет, концентрирует богатства и престиж... Элиты состоят из тех, кто имеет социально возвышенное положение, кто выделяется не только обладанием имущества, властью и специальным знанием, но также признанием со стороны других людей»⁴.

К этому определению присоединились Л. Фелле, Ф. Депре и К. Уикхэм, в чём-то уточнив его, но согласившись в принципе, что основными являются три критерия — власть, богатство и престиж (авторитет)⁵. Применительно к раннесредневековому обществу совокупность всех вместе этих признаков, особенно если идёт речь об обладании не просто властью, но властью политической (публичной), указывает на знать. Но к элите можно причислить и те группы и слои, которые обладают всеми тремя указанными признаками не в равной степени, а в разной — например, преимущественно двумя и только в незначительной степени одним. Важно иметь в виду, что элита — это социально-абстрактная категория. Люди, которых можно зачислить в эту категорию, со всем неизбежно должны сами осознавать свою принадлежность к ней как некий маркирующий признак. Определяющей для их социального самосознания (самоидентификации) является принадлежность к более малочисленным и конкретным группам, которые могут быть очень разными в тех или иных условиях — знать (причём разного рода — например, придворных чиновников или землевладельцев), городским кругом (например, финансисты-ростовщики или торговцы), сельским богатеям, церковным (например, францисканцами или монахами), прелатам и т.д. и т.п. Если пользоваться социологическими терминами, об элите надо говорить как о социальной категории, но не социальной группе. Отчасти по этой причине, отчасти в силу истории и специфики употребления самого термина элита⁶ можно

³ Les élites au haut moyen âge. Crises et renouvellements/ Ed. par F. Bougard, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2006; Les élites et leurs espaces. Mobilité, rayonnement, domination (du VIe au XIe siècle)/ Ed. par P. Depreux, F. Bougard, R. Le Jan. Turnhout, 2007; Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100)/ Ed. par F. Bougard, D. Iogna-Prat, R. Le Jan. Turnhout, 2009; Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge. Ed. par J.-P. Devroey, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2011; La culture du haut moyen âge, une question d'élites? / Ed. par F. Bougard, R. Le Jan, R. 2011; Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Conception, McKitterick. Turnhout, 2009; Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Perception, Wahrnehmung und soziale Umsetzung / Ed. par F. Bougard, H.-W. Goetz, R. Le Jan. Turnhout, 2011.

⁴ Le Jan R. Introduction // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge, 2003. P. 1 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/introduction.pdf>, дата обращения: 15.03.2013).

⁵ Depreux Ph. L'historiographie des élites politiques // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge, 2003, p. 6 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/depreux.pdf>, дата обращения: 15.03.2013); Feller L. Introduction. Crises et renouvellements des élites au haut Moyen Âge: mutations ou ajustements des structures? // Les Élites au haut Moyen Âge. Crises et renouvellements... P. 6; Wickham Ch. The changing Composition of Early Elites // Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge... P. 8.

⁶ См. об этом: Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. № 1 (62). М., 2009. С. 136—153.

использовать его довольно гибко, уточняя, о какой именно элите идёт речь — экономической и политической, городской и деревенской, интеллигентской и церковной и т. д.

Имея в виду определение элиты, принятое в указанном проекте «Элиты в раннесредневековье в Западной Европе», можно задаться вопросом, выделяется ли некая светская элита в обществе средневековой Руси⁷. В некоторых работах последнего времени, посвящённых истории Древней Руси, уже использовалось само это понятие, однако авторы не дают ему чёткого определения, либо используют его с дополнительными пояснениями, сужающими его смысл, но не всегда адекватными в применении к реалиям древнерусского общества. Характерным примером могут служить разделы, посвящённые истории Руси IX—XV вв., в коллективной монографии историков Санкт-Петербургского Института истории «Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.». Авторы этих разделов М.Б. Свердлов и Л.И. Ивина хотя вроде бы и упоминают об элите или элитных слоях, но фактически оперируют ставшими традиционными для отечественной историографии терминами *дружина, двор, служилые люди, знать, сословие*, а Ивина не отказывается и от понятия *господствующий класс*, никак не поясняя при этом, как оно соотносится с элитой. «Правящую элиту» (то есть людей, занимающих «командные высоты» в государственном управлении, согласно определению, данному в предисловии к книге⁸), как она сложилась к середине XII в., эти авторы фактически приравнивают к боярству как «(служилой) знати» (М.Б. Свердлов), или как «аристократии» (Л.И. Ивина)⁹. Такой подход едва ли можно признать удачным, и он только запутывает дело. Если говорится о «правящей элите», то встаёт вопрос (который в книге нигде и никем не ставится), что представляла собой элита не-правящая. С другой стороны, применительно к средневековой Руси выделение некой «правящей элиты» и фактическое отождествление её с боярством мало что даёт для объяснения социальной структуры и механизмов управления и выглядит надуманным и неубедительным. Даже если не считать княжеских и боярских слуг и холопов, причастных к управлению государством (хотя иногда эти люди фактически располагали немалой властью), Свердлов и Ивина не учитывают, что в Древней Руси, как известно, важнейшие государственные вопросы могло решать вече — собрание свободных граждан. Если не ясно, по каким признакам выделяется элита, а определение «правящий» может быть применено по отношению к разным слоям и группам, естественно усомниться в том, надо ли было вообще вводить новое (для исследований по древнерусской истории) понятие *правящая элита*.

На мой взгляд, как в этой коллективной монографии, так и вообще в историографии Древней Руси недостаточно внимания обращалось на те свидетельства источников, в которых отразился взгляд самих современников на общественную иерархию — по выражению Ж. Диби, «представления общества о самом себе». В данной статье анализируются два летописных известия, в которых точно указаны те социальные группы, которые сами авторы известий воспринимали как особо выдающиеся, как социальную верхушку. Нельзя ли считать как раз совокупность этих групп эли-

⁷ О церковной элите, конечно, тоже вполне правомерно говорить, но в данном случае речь пойдёт только о светской части общества.

⁸ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 5.

⁹ Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI—XIV вв. // Правящая элита Русского государства... С. 61, 64 и след.; Ивина Л.И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XVI вв. // Там же. С. 109—110.

ой? Одно из известий относится к концу X в., другое — к началу XIII в. Несмотря на двухсотлетнюю разницу в возрасте между ними, в перечислениях социальных групп, предложенными двумя летописцами, обнаруживаются явные соответствия.

Придерживаясь ретроспективного подхода, рассмотрим вначале более позднее известие. Оно яснее и понятнее, и результаты его анализа позволят правильно оценить данные древнего летописного свидетельства, более сложные для понимания. Это — известие Московского летописного свода конца XV в. в статье 6719 (1211) г. Как показал А.Н. Насонов, текст восходит к владимирскому своду 1220-х гг.¹⁰ В этой летописной статье рассказывается о конфликте Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо», владимирского князя, со своим сыном Константином. Чтобы определить новый порядок престолонаследия в пользу другого своего сына (Юрия), престарелый Всеволод устроил представительное собрание. На это собрание — по сути, вече (хотя само это слово в летописи не используется) — он «созва всѣх бояръ своихъ съ городовъ и съ волостеи, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны, и вси люди»¹¹. Если оставить в стороне представителей духовенства (епископа, игумена и священников), то социальная иерархия выстраивается здесь следующим образом (сверху вниз): бояре — купцы — дворяне — «вси люди».

«Все люди» — это, очевидно, полноправные свободные жители, преимущественно или даже исключительно горожане, которые имели право участвовать в вече¹². В этом случае за остальными группами — боярами, купцами и дворянами, — следя логике летописного сообщения, надо признать социально повышенный статус. Естественно появление в этом списке на первом месте бояр, поскольку этим термином — *бояре* — в Древней Руси обозначалась знать как социальная группа (до XV в., позднее это слово стало употребляться как придворное звание)¹³.

О точном значении в то время термина *купец* среди учёных нет единства. Одни видят в нём просто указание на профессиональных торговцев (как в более позднее время)¹⁴, другие считают, что этот термин мог обозначать не только торговцев, но и более широкие круги свободного населения, — хотя населения именно городского¹⁵. Так или иначе, в данном контексте, учитывая упоминание «всех людей» — свободного городского населения, — в «купцах» надо видеть верхушку свободного населения, жившую преимущественно или даже исключительно в городах и обладавшую более значительными финансовыми средствами (то есть выдающуюся экономически). Р. Д. Ильинская и Ю. А. Лимонова ясно, кто

Благодаря специальным исследованиям В.Д. Назарова и Ю.А. Лимонова ясно, кто имелся в то время под дворянами. Дворяне XII–XV вв. — это слуги, занятые в основном в суде, хозяйстве и управлении, как княжеские, так и боярские. В ряде известий XIII–XIV вв. слово *дворянин* выступает просто синонимом слова *слуга*. В.Д. Назаров

¹⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М. 1969. С. 210 и след.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949. С. 108.

¹² См. обоснование тезиса, что в вечевых собраниях в Древней Руси участвовали исключительно горожане: Лукин П.В. Вече: социальный состав // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147; специально об этом известии — С. 127–129.

¹³ См. подробнее: Стефанович П.С. Боярь в X–XI веках. М., 2012. С. 359–558.

¹⁴ *Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 378–382.*

¹⁵ Флоря Б.Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XV вв. С. 124.

2006. С. 66–69; Лукин П.В. Указ. соч. С. 124.

считает, что дворяне того времени были близки западноевропейским министериалам¹⁶. Действительно, это были люди зависимые от своих господ, но нет никаких данных об их несвободном статусе (какой имели министериалы). Во всяком случае, в известии 1211 г. явно имеются в виду свободные люди, потому что в вечевом собрании, посвящённом важнейшему вопросу о передаче государственной власти, участие холопов нельзя предполагать. Дворяне, упомянутые здесь, скорее представляют собой низшую «служилую» знать¹⁷. Это были люди на княжеской (в данном случае) службе, не принадлежавшие родовой знати (боярству) и, вероятно, не располагавшие значительной собственностью, но возвышенные благодаря княжеской протекции. Таким образом, в известии владимирского летописания начала XIII в. мы имеем дело с тремя социальными группами, которые, как подразумевается самим автором известия, обладали статусом повышенным («элитарным») по сравнению со «всеми людьми»: боярами — знатью, купцами — верхушкой свободного населения, и дворянами — княжескими слугами.

Обратимся теперь к тексту XI в. Это — известный летописный рассказ о пирах князя Владимира Святославича в статье 6504 (996) г. Текст читается практически одинаково в Новгородской 1-й летописи младшего извода (далее — Н1Лм) и списках «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). Это значит, согласно теории А. А. Шахматова об истории раннего летописания Руси, что рассказ восходит к киевскому своду середины 1090-х гг., который он условно назвал «Начальным» (и который отразился в Н1Лм). Но сам же Шахматов датировал этот текст ещё более ранним временем, считая, что он содержался уже в древнейшем пласте летописания — своде, который он назвал «Древнейшим Киевским 1039 г.» и который вошёл составной частью в «Начальный свод» и ПВЛ¹⁸. Современные исследования подтверждают основные положения теории Шахматова, и в частности, не было высказано никаких доводов против древности рассказа о пирах Владимира¹⁹, и его, таким образом, можно возвращать к летописанию первой половины XI в.

Приведу полностью рассказ, как Владимир «творил» пиры, по древнейшей Лаврентьевской летописи: «Се же пакы творяще людем своимъ, по вся недѣля устави на дворѣ въ грильницѣ пиръ творити и приходити боляром и гридем и сыцкымъ и десяцьскимъ и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясь, от скота и от звѣрины, бяше по изобилю от всего. Егда же подпъяхутся, начнѧхут роптати на князь, (лаго)люще: зло есть нашим головамъ, да намъ ясти деревянными лъжицами, а не сребряными. Се слышавъ, Володимеръ повелѣсковати лжичѣ сребрены ясти дружинѣ. Рече сице, яко сребромъ и златом не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣль мои и о(те)ць мои доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строении земленѣм и о ратехъ и уставѣ земленѣм²⁰.

Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978. С. 119, 122–123.

Так считает Ю.А. Лимонов: *Лимонов Ю.А. Владимиро-Сузальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 153, 157, 161, 169.*

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А.

История русского летописания. Т. I. Кн. I. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908 г.). С. 121–123, 387–389. См., например, в одной из недавних работ, где представлена соответствующая литература:

Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 111.
Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. Л., 1926. Стб. 126. Ср.: Т. 2: Ипатьевская летопись. З. ГИИА. 1928. Стб. 112. С. 17.

летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 110—111; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 167.

Пир, о котором идёт речь в летописи, — это трапеза для близких к князю людей (круг ограничен), регулярная (каждую «неделю», то есть воскресенье), в определенном месте (гридница на княжеском дворе). Как специально подчёркивает летописец, пир происходил вне зависимости от присутствия князя («при князи и без князе», — то есть в этом мероприятии важным было не только общение лично с князем, но и общение всех приходящих людей между собой, которые поддерживали связь друг с другом и в то же время, имея регулярный доступ к княжескому «изобилю», поддерживали свой привилегированный статус по сравнению с остальным населением.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что люди, допущенные на пиры, все вместе в начале сообщения обозначены как «люди свои» для князя, а в конце — как «дружина». Из сопоставления этих обозначений следует со всей ясностью, что «дружина» — это доверенные лица князя, его окружение, однако не только ближайшее, но и находящееся в опосредованных отношениях с ним. Поскольку тут же перечисляются разные категории этих людей, так же ясно становится, что смысл слова имеется в том, чтобы дать обобщающее обозначение для всех них. «Дружина» здесь — это все вместе княжеские люди, вне зависимости от различий в их статусе и занятиях²¹.

В данном случае для меня наиболее важен список лиц в составе «людей своих»/«дружины» в первой фразе: «и приходити боляром и гридем и съцьскимъ и десяцьскимъ и нарочитымъ мужем». Порядок их перечисления явно иерархизирован и не заканчивается каким-то неопределённым указанием (типа «и прочим», «и инем многим» и т. п.). Перечисление точно и исчерпывающе — именно и только указанные группы и составляли «дружины» князя в смысле людей, связанных с ним и друг с другом теми или иными служебно-договорными отношениями. Всё это склоняет нас к тому, чтобы в этих воскресных пирах видеть собрание выдающихся в обществе людей — лучших и связанных с центральной властью. Летописец обозначает их словом *дружина*, а мы, похоже, можем назвать их элитой.

В начале перечня мы видим бояр. В XI в. это слово уже достаточно широко употреблялось в древнерусских источниках для обозначения знати, и в этом тексте оно ясно указывает на наиболее важных и могущественных людей, ближайших советников и соратников князя. Этих людей мы видим на первом месте и в сообщении 1211 г. Следующими упоминаются гриль. В литературе их обычно считают «младшими дружиинниками». Специальный анализ всех упоминаний гриди/грильбы/гридинов в древнерусских источниках приводит к выводу, что этим термином обозначались профессиональные военные, которые служили князю, получая за эту службу денежное жалованье²². Имея в виду сообщение 1211 г., гриль можно сопоставить с дворянами — и те, и другие были слугами князя. Правда, эти слуги выполняли несколько разные функции и имели разное обеспечение, и об этом ещё будет сказано ниже. Сотские и десятские — должностные лица так называемой децимальной организации. Как показало исследование В.А. Кучкина, организация эта имела, в первую очередь, не военное назначение (как иногда предполагается в литературе), а административное и хозяйственное²³. Последними в перечне идут «нарочитые мужи». Прямой смысл выражения указывает на людей, лучших в каком-то отношении по сравнению с остальными. В летописных ста-

²¹ Такое значение слова «дружина» как раз характерно для древнерусских источников. Ср. специальное исследование о значениях этого слова: Стефанович П.С. Указ. соч. С. 129—262.

²² Там же. С. 304—358.

²² Там же. С. 304—338.
²³ Кучкин В.А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Указ. соч. С. 328, 423—425.

тьях, которые, вслед Шахматову, можно возводить к древнейшим слоям летописания, это выражение встречается ещё пару раз. Например, в статье 6453 (945) г. им были обозначены древляне, выбранные для вторичного посольства к Ольге в Киев, и тут же эти же лица названы «лучшими мужами», «иже держаша Деревльскую землю»²⁴. В статье 6496 (988) г. в рассказе о крещении Руси сочетание «нарочитая чадь» использовано для обозначения более выдающихся среди всех «людей», признававших власть киевского князя, вне зависимости от их происхождения и местожительства²⁵.

Можно связать сотских и десятских с нарочитыми мужами и думать, что эти лица представляли верхушку свободного населения, облечённую некоторыми властными полномочиями со стороны князя. В классической книге «Древнерусские города» М.Н. Тихомиров именно в таком духе оценивал перечень лиц, которых Владимир приглашал на пиры²⁶. Не совсем ясно, по каким причинам летописец особо выделил в составе «нарочитых мужей» именно сотских и десятских, а не упомянул, например, старост (известных из древнейшему летописанию, и «Русской Правде»). Может быть, дело в том, что децимальная организация, по-видимому, охватывала, главным образом, городское население, а старосты действовали в сельской местности²⁷, и летописец, таким образом, имел в виду, что к княжеской «дружине»/«своим людям» принадлежала, в первую очередь или в основном, верхушка именно городского населения.

В известии 1211 г. тоже присутствует верхушка свободных людей — купцы. Это были тоже преимущественно городские жители. Важно ещё отметить, что купцы на Руси с древнейших времён и вплоть до XVII в. (да и позднейшего времени) часто выступали доверенными лицами правителя, особенно во внешних сношениях, и на них возлагались различные «государственные» функции (разумеется, в обмен на те или иные вознаграждения или привилегии) — об этом свидетельствуют самые разные документы, от договоров руси и греков 911 и 944 гг. до Уложения 1649 г. Указывая в этом контексте также и на «Русскую Правду», Тихомиров писал о купцах: «В городском населении именно купцы или гости... составляли наиболее почитаемую группу, находившуюся под непосредственной княжеской защитой... Упоминание купчины в первой статье Краткой Правды показывает, что в эпоху появления этой статьи купцы состояли под непосредственным покровительством князя наряду с дружиинниками (мечником, гридем и ябедником)²⁸. С другой стороны, купцы имели непосредственное отношение к децимальной организации. По крайней мере, так было, вне сомнения, в Новгороде в XII—XIII вв.²⁹ Кроме того, известно, что новгородские сотни были фискально и административно связаны с князем³⁰ и что в Новгороде были купеческие торговые организации, которые находились под патронатом князя (купеческое объединение при церкви Ивана на Опоках).

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 57. Ср.: Новгородская первая летопись. — С. 112.

25 Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 118. Ср. Новгородская первая летопись... С. 112.

²⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М., 1956. С. 160—161.

²⁷ Во всяком случае, в одном из древнейших летописных известий старосты упоминаются вместе со смердами (точнее, во главе их), а в «Правде Ярославичей», выделяемой в составе «Краткой редакции» «Русской Правды», упоминаются не просто старосты, а «сельский староста княжий и ратайный» (ст. 24). См.: Новгородская первая летопись... С. 15, 175; Правда Русская. Под ред. Б.Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л. 1949. С. 71, 77-80.

²⁸ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 154.

²⁹ См. об этом в недавней работе: Флоря Б.Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. // Средневековая Русь. Вып. 6. 2006. С. 66—79. Ср. также сотнях в Новгороде: Быков В.А. Очерки

³⁰ Борисов В.А. 2000. С. 66–79. Ср. также сотня в Новгороде. Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 83–96, 103–105, 114 и след. Это признаёт Б.Н. Флоря соглашаясь с В.Л. Янинским. Флоря Б.Н. Ук. соч. С. 79.

Из всего этого следует, что сотские, десятские и нарочитые мужи в известии о пирах Владимира — это представители верхушки свободного населения, прежде всего и преимущественно горожане, и что та же, в сущности, социальная группа фигурирует под именем «купцов» в известии владимирского летописания 1211 г. Эту группу выделяло, главным образом, имущественное благосостояние, но она также выполняла некоторые функции публичных власти и управления. Присутствие представителей городской (торговой) среды на пирах Владимира и на вече, созванном Всеволодом, объясняется не только их связью с князем, но и их связью с боярством. Эти два слоя имели много общего и, прежде всего, местожительство — они жили главным образом внутри городских стен. Купцы практически всегда в домонгольское время упоминаются в связи с городом. Но неоднократно в источниках XI—XII вв. упоминаются и городские усадьбы («дворы») бояр³¹. Как хорошо известно, в Новгороде удаётся археологически проследить преемственность боярских усадеб на протяжении нескольких веков с самого древнейшего времени, то есть с рубежа X—XI вв.³² По другим городам археологические материалы не так показательны, но данные письменных источников не позволяют предполагать какую-то специфику Новгорода в этом отношении. П. Бушкович, сопоставляя свидетельства письменных источников с данными археологии по трём землям Руси (Киевской, Смоленской и Новгородской), приходит к выводу о преимущественно городском образе жизни боярства в XI—XII вв.³³ «Городская оседłość» как традиционную черту русской знати справедливо подчёркивает Х. Рюсс, указывая на её отличие в этом смысле от знати западноевропейской³⁴.

Каждому из двух слоёв совсем не были чужды занятия другого — бояре занимались торговыми и финансовыми операциями, а купцы готовы были взяться за оружие. О боярах М.Н. Тихомиров, опираясь на летописные и актовые источники, пишет, что они «играли видную роль как в экономической, так и в политической жизни города» и что «участие в торговле и ростовщичестве тесно связывало бояр с широкими кругами городского населения, в особенности с купеческой верхушкой»³⁵. Учёный ещё не располагал новгородскими берестяными грамотами, первые из которых были только-только открыты на момент публикации его книги вторым изданием. Между тем, они служат одним из наиболее ярких свидетельств коммерческих занятий боярства; в них мы находим рядом с упоминанием лиц высшей новгородской знати списки должников и отданых в рост сумм, перечни товаров и продуктов ремесленного производства, отчёты о торговых операциях и т. д. Данные такого рода бросаются в глаза, хотя иногда интерпретируются как специфически новгородское явление³⁶. С этим трудно согласиться. Коммерческие занятия боярства, пусть и славяне. С этим трудно согласиться. Коммерческие занятия боярства, пусть и славяне.

³¹ См., например: Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 161—168, 254.

³² Янин В.Л. Раскопки в Новгороде // Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 63.

³³ Bushkovitch P. Towns and Castles in Kievan Rus': Boiar Residence and Landownership in the 11th and 12th Centuries // Russian History. Vol. 7. № 1—2. 1980. P. 251—264.

³⁴ Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9—17 Jh., Köln, Weimar, Wien 1994. S. 76—389. Ср.: Рюсс Х. Городская оседłość русской знати // Сословия

и государственная власть в России. XV—XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти

академика Л. В. Черепинина. Тезисы докладов. Ч. I—II. М., 1994. С. 253—262.

³⁵ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 165.

³⁶ Ср.: Янин В.Л. Указ. соч. С. 61—67.

например, на свидетельства «Русской Правды» и внешнеторговых договоров Смоленска XIII в. Исключительность Новгорода состоит лишь в том, что данные, происходящие из него, несравненно более показательны и обильны по сравнению с отрывочными упоминаниями из других регионов.

Те же новгородские данные прямо говорят о военных занятиях купцов. В летописи, в частности, упоминается, что купцы воюют вместе с гридью³⁷. К этим известиям XII—XIII вв. можно присовокупить те, которые говорят о том, как в случае военных действий и отсутствия князя в городе новгородцы собирали средства «крутиться на воину» именно купцам³⁸. Конечно, не случайно, что между знатью и виднейшими представителями городской среды часто возникают политические союзы, особенно тогда, когда их объединяло противостояние княжеской власти. Некоторые историки считают, что боярство либо с самого начала доминировало в этом союзе, либо со временем перехватывает политическую инициативу у горожан и совершенно подавляет их голос на вече³⁹. По всей видимости, такие оценки страдают некоторым преувеличением — в действительности демократическое начало в «вечевой стихии» жило всегда вплоть до её затухания в XIV—XV вв.⁴⁰ Но в данном случае главное зафиксировать не перевес на вече той или иной социальной группы в тот или иной момент и в том или ином месте, а сам факт совместного участия боярства и горожан или, по крайней мере, городской верхушки в политической жизни. Задавшись вопросом о том, как в известиях XII в. летописцы оценивают общественную роль и действия знати, Б.Н. Флоря в недавней статье пришёл к убедительному выводу, что «в общественном сознании» существовала «тесная связь между «боярством» и населением главного центра «земли». Они выступают совместно, в некоторых случаях «бояре» выступают как люди, организующие и направляющие действия городской общины, в других случаях в изображении летописца знать с этой общиной сливаются и растворяются в этом общем понятии»⁴¹.

Важным показателем общих интересов и совместной деятельности знати и горожан является возникновение в XI в. должности тысяцкого, которая, конечно, была связана с децимальной организацией. Первые упоминания этой должности, как известно, относятся к концу XI — началу XII в. В статье ПВЛ под 6597 (1089) г. сообщается, что Успенский собор в Печерском монастыре был освящён «при бл(а) городынъмъ князи Всеолоди», «воеводство держащо киевъкыя тысяща Яневи»⁴². Упомянутый здесь Янь — по всей видимости, известный киевский боярин Янь Вышатич, неоднократно упомянутый в летописи. А в рассказе о смерти киевского князя Святополка Изяславича в 1113 г. и волнениях в Киеве, возникших после неё, тысяцким в городе указан Путята, который, вероятно, был братом Яня⁴³. Анализ существующих данных о тысяцких в Древней Руси приводит исследователей к выводу, что

³⁷ Новгородская первая летопись... С. 42, 234; 73, 283.

³⁸ Там же. С. 25 (статья 6645 (1137) г.).

³⁹ См., например: Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 197 и след.; Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 2003. С. 8—9; Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 224 и след.

⁴⁰ Ср.: Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 217 и след.; Лукин П.В. Указ. соч. С. 44 и след., 145.

⁴¹ Флоря Б.Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // Средневековая Русь. Вып. 8. 2009. С. 80.

⁴² Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 208.

⁴³ Там же. Т. 2. Стб. 275—276. О Яне и Путяте и их мнимых и реальных родственных связях см. подробнее: Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Указ. соч. С. 220—233.

этую должность занимали виднейшие бояре и в их компетенцию входили военная организация городского населения, а также вопросы городского управления и фиска, особенно в сфере торговли⁴⁴. Тихомиров делал вывод, что тысячи «утверждаются как начальники над городским населением» и «хотя и назначаются князем, но становятся представителями городского населения»⁴⁵. Он подчёркивал их роль именно как своего рода связующего звена между княжеской администрацией и городской средой. В создании специального должностного лица, которое координировало деятельность этих двух сфер, практическое и в то же время своего рода символическое воплощение получила экономическая и отчасти политическая общность боярства и городской верхушки. Децимальная организация — городская (или выросшая из города), а во главе неё — боярин.

Таким образом, в летописном известии о пирах Владимира мы видим три группы населения — бояре, гриди и городская верхушка — которые, судя по всему, и составляли элиту Руси. Летописец, вероятно, и хотел выразить мысль, что князь объединял все лучшие и важнейшие общественные элементы, которые вообще заслуживали приглашения «по вся неделя» на его «двор в гридыницу», и заботится об этой «дружине». Каждая из этих групп была связана с князем как главой государства и важна для него, но по-разному. Бояре служат князю, и от этой службы происходят их политическое влияние и какая-то часть (вероятно, даже важнейшая) доходов. Но высокое положение в обществе, достаток и наличие собственных зависимых людей сообщают боярам известную независимость, заставляют всех, в том числе и самого князя, уважать их и с ними считаться. Гриди — воины на княжеском содержании — основная ударная сила и военная опора князя. Хотя по статусу это были люди, принадлежащие «дому» или «двору» князя, но они, судя по порядку перечисления в летописном известии, рассматривались летописцем как более важные персоны, чем представители городского населения. Наконец, купцы и прочие городские жители связаны с князем меньше остальных — главным образом, фискальными отношениями и частными заказами и поручениями. Но они важны также как люди, которых можно воздействовать на разовые военные мероприятия. С боярами тесно связаны и гриди, и городская верхушка. Первые — в силу постоянного взаимодействия внутри военной организации и при княжеском дворе, вторые — торговыми и финансовыми делами.

В известии начала XIII в. мы видим примерно те же элементы, лишь с некоторой перегруппировкой: знать—верхушка свободного (городского) населения—княжеские слуги. Бояре остаются на своём месте, купцы соответствуют сотским, десятским и нарочитым мужам, а дворяне заменили гриды. Перегруппировка состоит в том, что представители города в 1211 г. потеснили со второго места «иерархической лестницы» княжеских слуг. Это — важное изменение, которое надо объяснять трансформацией корпуса княжеских слуг с X в. к началу XIII в. вследствие общих изменений в социально-экономическом строем Древнерусского государства.

Государство X — первой половины XI в. можно определить как военно-григорианное, крепящим элементом которого являются завоевания, ведущие к данническому подчинению населения. В такой системе власти и эксплуатации «услуги» профессиональных военных имели большое, иногда решающее, значение. Григорий и была таки-

ми воинами, которые занимали виднейшее место среди прочих людей на княжеской службе, и их положение в летописном списке сразу после бояр не случайно. Но с развитием производящей экономики, ростом новых центров перераспределения ресурсов, повышением роли договорных механизмов в управлении государством, усложнением системы налогообложения и другими факторами роль военных слуг падает, и им на смену приходят слуги другого рода — хозяйственные, судебные и административные. Последние упоминания гриди в источниках относятся к началу XIII в. — как раз тому времени, когда в широкое употребление входят термины *дворяне* и *слуги*. Разными были не только функции, но и формы обеспечения княжеских слуг XI и XIII вв.: если гриды содержались на денежное жалованье, то дворяне получали доли от поборов с населения и какие-то земельные «держания» от князя. В условиях активного роста городов и подъёма городской экономики в XII — первой половине XIII в. повышается и значение городских «олигархов», которые сближаются с боярством в экономическом и политическом смысле. Их положение оказывается выше того, которое в социальной иерархии занимают княжеские слуги, занятые в хозяйстве администрации.

Однако, в целом с начала XI в. до конца домонгольского периода состав той верхушки общества, которая выделяется относительно простых «людей» и которую в древнейший период называли «дружиной», обнаруживает преемственность. Соответствия в двух совершенно разных по смыслу и происхождению летописных свидетельствах не могут быть случайны и должны объясняться, очевидно, устойчивостью социальной структуры, которую отражали эти тексты. Отталкиваясь от признаков элиты, которые выделяются в современной медиевистике и которые были обозначены в начале статьи — власть, богатство, авторитет (престиж), — можно обозначить эту верхушку древнерусского общества элитой. Все три группы, составлявшие её — знать, богатейшие горожане и княжеские слуги — были в той или иной мере причастны публичной власти, которую олицетворял князь; в большей мере — бояре, в меньшей — горожане. Бояре и городские «олигархи» отличались имущественным достатком. Но княжеские слуги тоже не были людьми бедными; просто их материальное благосостояние в большей степени зависело от «милости» князя. О том, что принадлежность к этим трём группам расценивалась как престижная, свидетельствует сам факт, что летописцы рассматривали их как лучшую («нарочитую») часть общества, стоящую выше в социальной иерархии «всех людей». Таким образом, в разных степенях и мере все три признаки были присущи знати (боярам), городской верхушке (купцам) и княжеским слугам (грили, дворянам и др.), и эти три группы составляли элиту древнерусского общества в конце X — первой половине XIII вв.

⁴⁴ Ср. недавний пересмотр сведений о тысячиках до середины XIII в.: Толочко П.П. Власть в Древней Руси. Х–XIII века. СПб., 2011. С. 111–123.

⁴⁵ Древней Руси. X—XIII века. СПб. Тихвинское М.Н. Указ. соч. С. 228.

Смирнова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН.
Соболева Надежда Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.
Солдатенко Валерий Фёдорович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, директор Украинского института национальной памяти, Украина
Сорокин Андрей Константинович — кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива социально-политической истории.
Степанович Петр Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.
Третьяков Виталий Товиевич — профессор, декан Высшей школы телевидения МГУ.
Тюменцев Игорь Олегович — доктор исторических наук, директор Волгоградского филиала РАНХиГС.
Тютюкин Станислав Васильевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
Христофоров Василий Степанович — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра публикации источников по истории России XX в. ИРИ РАН.
Шацилло Михаил Корнельевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
Швейковская Елена Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Археографической комиссии РАН.
Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, руководитель Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
Шилов Вячеслав Серафимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС.

Научное издание

Российская государственность: опыт 1150-летней истории

Материалы Международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.)

Утверждено к печати

Ученым советом Института российской истории Российской академии наук

Выпускающий редактор: М.И. Былхова
Оригинал-макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37. Уч.-изд. л. 50,1.
Тираж 500 экз. (первый завод 300 экз.)

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru
Заказ № 6250/13

